

3. Библия. М.: Российское Библейское общество, 1997. 1337 с.
4. Всемирное писание: Сравнительная антология священных текстов: пер. с англ. / под общ. ред. проф. П. Гуревича. М.: TERRA-Книжный клуб; Республика, 2001. 592 с.
5. Гайнутдинова Е. В. Философия Н. А. Бердяева как определяющий вектор в построении теории поведения человека // Н. А. Бердяев: философия свободного духа и судьба человека в современном мире / под ред. Е. В. Гайнутдиновой. Астрахань: Р. В. Сорокин, 2015. 132 с.
6. Добиаш-Рожественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М.: Наука, 1977. 352 с.
7. Карабушенко П. Л. Элитология культуры и философия творчества // Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (51). С. 29–37.
8. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. Т. 16. 731 с.
9. Соколов В. В. Средневековая философия. М.: Мысль, 1979. 287 с.
10. Хейзинга И. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988. 544 с.
11. Шербаклова Л. В. Ментальность как категория повседневной культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 6. С. 10–13.

References

1. Avgustin Avreljij. *Ispoved'. Petr Abeljar. Avgustin Avreljij. Istorija moih bedstvij*. Ed. by D. M. Nosov. Moscow, Respublika Publ., 1992. 335 p.
2. Baeva L. V. *Cennostnye osnovanija individual'nogo bytija: Opyt jekzistencial'noj aksiologii*. Moscow, Prometej Publ., MPGU Publ., 2003, 240 p.
3. *Biblija*. Moscow, Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo Publ., 1997, 1337 p.
4. *Vsemirnoe pisanie: Sravnitel'naja antologija svjashhennyh tekstov*. Ed. by P. Gurevich. Moscow, TERRA-Knizhnyj klub Publ.; Respublika Publ., 2001, 592 p.
5. Gajnutdinova E. V. *Filosofija N. A. Berdjaeva kak opredelajushhijj vektor v postroenii teorii povedenija cheloveka. N. A. Berdjaev: filosofija svobodnogo duha i sud'ba cheloveka v sovremennom mire*. Ed. by E. V. Gajnutdinovoj. Astrakhan, R. V. Sorokin Publ., 2015, 132 p.
6. Dobiash-Rozhdestvenskaja O. A. *Kul'tura zapadnoevropejskogo srednevekov'ja*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 352 p.
7. Karabushhenko P. L. *Elitologija kul'tury i filosofija tvorcestva. Gumanitarnye issledovanija*, 2014, № 3 (51), pp. 29–37.
8. *Slovar' filosofskih terminov*. Ed. by V. G. Kuznecov. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, vol. 16, 731 p.
9. Sokolov V. V. *Srednevekovaja filosofija*. Moscow, Mysl Publ., 1979, 287 p.
10. Hejzinga I. *Osen srednevekov'ja. Issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshlenija v XIV i XV vekah vo Francii i Niderlandah*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 544 p.
11. Shcherbakova L. V. *Mental'nost' kak kategorija povsednevnoj kultury. Voprosy kulturologii*, 2011, no. 6, pp. 10–13.

НИБЕЛУНГИ И ПСИХОАНАЛИТИКИ: ФРЕЙДИСТСКИЙ И ЮНГИАНСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЭМЫ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский государственный университет, Китай, 570100, провинция Хайнань, г. Хайкоу, Мэйланцю, пр-т Жэнминь, 58, E-mail: 2689655292@qq.com

Лебедева Ирена Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта, Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14, E-mail: irenalebedeva@mail.ru

В статье рассматриваются подходы представителей фрейдистской и юнгианской школ к анализу средневекового германского героического эпоса «Песнь о Нибелунгах». Особое внимание уделяется построениям американского «нибелунговед» Виндера МакКонелла, который, опираясь на ключевые концепты теории личности Карла Юнга, предложил убедительный анализ психологических образов персонажей поэмы и их мотивировок. Положения статьи проиллюстрированы примерами из оригинального текста поэмы (манускрипты В и отчасти А) по штутгартскому изданию 1892 г., художественный перевод примеров приведен в версии Ю. Б. Корнеева.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитическая литературная критика, фрейдизм, Карл Юнг, личное и коллективное бессознательное, Анимус, Тень, Самость, Подавление, героико-эпическая поэма «Песнь о Нибелунгах», Кримхильда, Зигфрид, Хаген Тронье, Зигмунд, бургундские короли

NIBELUNGS AND PSYCHOANALYSTS: FREUDIAN AND JUNGIAN APPROACHES TO THE ANALYSIS OF "DAS NIBELUNGENLIED"

Sarakaeva Elina A., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Hainan State University, 58 Zhenmin Str., Meilanqu District, Haikou, Hainan Province, 570100, China, E-mail: 2689655292@qq.com

Lebedeva Irena V., Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Caspian Institute of Sea & River Transport, 6/14 Nikolskaya street, Astrakhan, 414000, Russian Federation, E-mail: irenalebedeva@mail.ru

The article considers the attempts to analyze the medieval German heroic epos "Das Nibelungenlied" ("The Lay of Nibelungs") by the representatives of Freudian and Jungian schools of psychoanalysis. Special attention is paid to the theory of American expert on the "Nibelungenlied" Winder MacConnell who, relying on key concepts

of the identity theory by Karl Jung, offered a convincing analysis of psychological images of the characters of the poem and their motivations. The ideas of the article are illustrated with examples from the original text of the poem (manuscripts B and partially A) according to the Stuttgart edition of 1892, the literary translation of examples is given in Yu. B. Korneev's version.

Keywords: psychoanalysis, psychoanalytic literary criticism, Freudian approach, Carl Jung, personal and collective unconscious, the Animus, the Shadow, the Self, Repression, heroic epic "Das Nibelungenlied" (the Lay of The Nibelungs), Kriemhild, Siegfried, Hagen von Tronege, Siegmund, Burgundian kings

«Песнь о Нибелунгах» – величайшее произведение мировой литературы, жемчужина германской эпической поэзии. Интригующий сюжет, тонкая психологическая проработка образов, потрясающий трагизм развязки – все это обеспечило поэме неувядающий интерес среди читателей и ученых исследователей. С момента обнаружения рукописи С (за которой последовала ключевая находка рукописи В, признаваемой большинством ученых наиболее соответствующей оригинальному тексту поэмы [9, с. 110]), содержание «Песни» исследовалось методами самых разных научных дисциплин – истории, литературоведения, психологии, лингвистики. В настоящей работе мы рассмотрим подход к изучению поэмы методами психоаналитической литературной критики, применяемый учеными – последователями Фрейда и Юнга.

Интерпретация снов, как известно, является одним из ключевых методов классического фрейдизма. В этом смысле «Песня о Нибелунгах» представляет богатый материал – вещие сны герои поэмы видят то и дело, со сна и его толкования начинается собственно сюжет поэмы:

*In ir höhen ären trounde Kriemhildë,
wie si züge einen valken stârc schœn und wildë,
den ir zwên arn erkrummen, daß si daß muose sehen.
ir enkunde in dirre werlde leider nimmer geschehen.
Den troum si dô sagete ir muoter Uotên;
sine kunde in niht bescheiden baß der gütên:
der valke, den du zuhest, daß ist ein edel man:
in welle Got behüeten, du muost in schiere vloren hân [10, 8, с. 13–14].*

*И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,
Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,
Но был двумя орлами заклеван перед нею.
Смотреть на это было ей всех смертных мук страшнее.
Про сон свой вещей Уте поведала девица,
И мать ей объяснила, какой в нем смысл таится:
«Тот сокол – славный витязь. Пусть Бог хранит его,
Чтоб у тебя не отняли супруга твоего» [1, 5, с. 13–14].*

Последователь фрейдизма Теодор Рейк так интерпретирует этот сон: «Птицы для королевы Уты со всей очевидностью символизируют пенис. Понятно, что в созревшей девственности проснулось либидо и оно оказывает сильное давление. Неудовлетворенность оборачивается садистскими наклонностями. Расчленение птицы показывает садистские наклонности и в то же время говорит о желании наивысшего наслаждения. Аффект страха возникает из осознания, что запрещенные желания легко контролировать и понимать. И в результате врожденный и усиленный недостаточным сексуальным удовлетворением садистский компонент просто прокладывает себе дорогу» [16, с. 416–417]. Как видим, в этой интерпретации жестокая, бескомпромиссная месть, которой подвергла Кримхильда убийц своего мужа во второй части поэмы, объясняется присущими ей «садистскими наклонностями», проистекающими от неудовлетворенного сексуального желания. Наверное, не случайно редактором журнала "Medizinische Monatsschrift für Seelenkunde", где была опубликована эта статья, являлся Зигмунд Фрейд.

Еще одна популярная тема в фрейдизме – латентная гомосексуальность, проявляющаяся в разного рода проекциях, понимаемых Фрейдом как механизм защиты против неосознаваемых асоциальных влечений (в первую очередь гомосексуальности) [2, с. 101], и обуславливающая поступки субъектов. На гомосексуальный контекст конфликта между персонажами поэмы указывает выдающийся немецкий писатель Бертольд Брехт в своем ироничном стихотворении «У Зигфрида были рыжие волосы»:

*Siegfried hatte ein rotes Haar
Und Hagen Tronje liebte ihn sehr
Und Siegfried wußte, was Hagen Tronje war
Aber da war noch Giselher.
Gunther sagte dem Hagen Tronje oft:
Siegfried liebt man. Da lachte er
Und stand eines Tages im Gras, unverhofft
Und schlug in Siegfrieds Nacken einen Eschenspeer.
Hagen Tronje blieb drei Tage bleich
Und trank sich durch die lange Nacht
Denn er dachte an Gunther und Giselher immer zugleich
Und er hätte lieber nur an Gunther gedacht.
Aber am vierten Morgen kam Giselher selber zu ihm hin
Und brach das Brot mit ihm und aß von seinem Salz
Und sprach von Weibern und Pferden mit dem Kinn.
Da ging dem Hagen Tronje wild der Wind an seinen Hals [7, с. 492].*

Персонажей этого странного стихотворения связывают сложные чувства дружбы, зависти и любви. Гомоэротическое напряжение разрешается неожиданным убийством одного из них, Зигфрида, несмотря на то, что, вернее, именно потому, что *“Siegfried liebt man”*, после чего убийца сразу же пытается перенести свое сексуальное влечение с Зигфрида на другое лицо – Гунтера или Гизельхера.

То, что для Бертольда Брехта было шуткой, насмешкой над навязанным официальной пропагандой образом Зигфрида как национального героя, воплотившего в себе истинно германский героический дух, для ученых-психоаналитиков становится реальной психологической подоплекой конфликта. Так, в своей монографии «Песнь о Нибелунгах: пояснительные комментарии» авторы Д. Г. Моват и Хьюго Сакер предлагают фрейдистскую интерпретацию сцены убийства Зигфрида во время королевской охоты в лесу, указывая на сопряженный с ней символизм. Комментируя эпизод поэмы, в котором Зигфрид склоняется над ручьем чтобы напиться воды, тогда как Хаген Тронье, подкравшись к нему сзади, поражает его в спину копьем, авторы пишут: «Возможно, вся сцена охоты – это гомосексуальная охота на человека, в которой Хаген и Зигфрид суть два вепря из сна Кримгильды, и фатальное проникновение сзади есть наказание Зигфриду за пренебрежение Вормсом?» [15, с. 92].

Более тонкий и глубокий анализ содержания поэмы и мотиваций ее персонажей предлагает американский исследователь Виндер МакКоннал, придерживающийся положений школы Юнга. Но прежде чем рассмотреть его интерпретацию, мы хотим привлечь внимание к той роли, которую персонажи поэмы – Зигфрид и его убийца Хаген – играли в психической и душевной жизни самого основателя школы, Карла Густава Юнга.

В своей программной работе «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг описывает сон, оказавший лично на него глубочайшее воздействие. В этом сне ученый видит себя самого в роли Хагена, убийцы Зигфрида (впрямую он не называет себя этим именем, но контекст предполагает именно такую роль, тем более что в последующих работах Юнг не раз упоминает «еврея» Хагена, убившего «германца» Зигфрида, нагружая эти образы то тем то другим содержанием). Итак, сам сон:

«Я оказался где-то в горах с неизвестным темнокожим юношей, по-видимому дикарем. Солнце еще не взошло, но на востоке уже посветлело и звезд не было видно. Внезапно раздался звук трубы – это был рог Зигфрида, и я знал, что мы должны убить его. У нас было оружие, мы затаились в засаде, в узкой расщелине за скалой. И вот на краю обрыва в первых лучах восходящего солнца появился Зигфрид. На колеснице из костей мертвецов он стремительно мчался вниз по крутому склону. Как только он появился из-за поворота, мы выстрелили – и он упал лицом вниз – навстречу смерти.

Мучимый раскаянием и отвращением к себе – ведь я погубил нечто столь величественное и прекрасное, – я бросился бежать. Мною двигал страх, что убийство раскроется. И тут обрушился ливень, и я понял, что он уничтожит следы преступления. Итак, я спасен, и жизнь продолжается. Но невыносимое чувство вины осталось» [4, с. 146].

1913 год, когда произошло это событие, был для Юнга временем кризиса. В этот год он порвал с Зигмундом Фрейдом, отказался от профессорской кафедры в университете Цюриха и подумывал о самоубийстве:

«Проснувшись, я стал раздумывать, что бы это значило, но понять не смог. Я попытался заснуть снова, но услышал некий голос: “Ты должен понять это, должен объяснить это прямо сейчас!” Волнение мое усиливалось, наконец, наступил ужасный момент, когда голос произнес: “Если ты не разгадаешь сон, тебе придется застрелиться!” В ящике ночного столика я держал заряженный револьвер, и мне стало страшно» [4, с. 146].

До самоубийства, к счастью, не дошло: Юнгу удалось интерпретировать свой сон. Он предположил, что Зигфрид, герой германской нации, в его сне символизирует национально-политический идеал современной ему Германии, от которого он лично должен отмежеваться:

«Лихорадочно перебирая в уме все детали сна, я вдруг понял его смысл. Он был о событиях, происходивших в мире. Зигфрид, думалось мне, является воплощением всего того, чего хотела достичь Германия, – навязать миру свою волю, свой героический идеал – “Воля пролагает путь”. Таков был и мой идеал. Сейчас он рухнул. Сон ясно показывал, что героическая установка более не допустима, – и Зигфрид должен быть убит» [4, с. 146].

Однако отказ от идеала, столь решительный и бесповоротный что во сне он ассоциировался с убийством, дался Юнгу ценой сильных страданий:

«Мое преступление причинило мне такую сильную боль, будто я убил не Зигфрида, а себя самого, фактически отождествляя себя с ним, героем. Я страдал, как страдают люди, жертвуя идеалами. Сон означал мой сознательный отказ от героической идеализации, потому что существует нечто такое, что выше моей воли, и моей власти, и моего “я”. Темнокожий дикарь, мой спутник, по сути толкнувший меня на преступление, был моей примитивной архаической тенью. А дождь в моем сновидении как бы “снял” напряжение между сознанием и бессознательным» [4, с. 146].

Возвращаясь в других своих работах к этому сну, Юнг снова и снова подчеркивает, каким болезненным был отказ от бывшего идеала, воспринимаемый как убийство «героя» и даже «бога»:

«Этой ночью моя жизнь была в опасности, так как я должен был убить моего господина и Бога, но не в единственной битве, поскольку кто из смертных может убить Бога на дуэли? Вы можете добраться до Бога только через убийцу, если вы хотите превзойти его.

Но это самое горькое для смертных: наши Боги хотят превосходить, так как они требуют обновления. О, этот Зигфрид, голубоглазый блондин, германский герой, должен был пасть от моей руки, самый преданный и смелый! Он имел все что я ценил как самое великое и красивое; он был моей властью, моей смелостью, моей гордостью. Я бы потерпел неудачу в битве, и поэтому для меня было оставлено только убийство» [5, с. 119–120].

Справедливости ради следует заметить, что другие психоаналитики склонны видеть в этом Зигфриде из сна не идеал германской нации, а символ освобождения самого Юнга из-под авторитета его друга и учителя Зигмунда Фрейда (имя Фрейда – Зигмунд – напрямую связано с «Песней о Нибелунгах», где Зигмунд является отцом главного героя Зигфрида и играет определенную роль в разворачивании сюжета). К примеру, Дэвид Розен так поясняет произошедшее с Юнгом: «В декабре 1013 года Юнг пережил самоубийственный кризис и то, что я назвал бы “эгоцидом”. Юнг видел во сне что он в компании темнокожего дикаря застрелил и убил Зигфрида. Юнг рассказывает, что он испугался, потому что в ящике его стола лежал заряженный револьвер. К счастью для себя и для нас, Юнг совершил не самоубийство а “эгоцид”. Вместе со своей “примитивной тенью” Юнг физически уничтожил негативную часть собственного эго-имиджа и идентичности. Конечно, имя “Зигфрид” звучит как “Зигмунд”, что указывает на убийство до того доминантного фрейдистского эго-имиджа Юнга, его “ложной самости” [17, с. 65–66].

Энтони Стивенс полагает, что Зигфрид в этом сне – а вернее стоящий за ним Зигмунд Фрейд – воплощает для Юнга настойчивое («героическое») навязывание ему чужой воли. Убив Зигфрида, Юнг освобождает себя из-под власти Фрейда, приносит своего кумира в жертву и замещает его готовностью самостоятельно спуститься в глубины бессознательного [18, с. 124].

Таким образом, для Юнга Зигфрид – это сложный символический комплекс, соединяющий в себе: 1) его кумира и наставника Фрейда; 2) солнечное божество; 3) трансцендентный символ, способный примирить различия между людьми. Его смерть означает, что Юнг наконец оставил все это позади себя и пошел по собственному пути, в поисках своей собственной психологической истины [18, с. 125].

В дальнейшем Юнг несколько изменяет свою интерпретацию. В книге «Либи́до, его метаморфозы и символы» Юнг уже говорит о Зигфриде как о символе либи́до, опираясь в первую очередь на либретто Вагнера к опере «Гибель богов», главным героем которой выступает Зигфрид [6]. На семинаре в 1925 г. Юнг снова возвращается к этому сну и подробно описывает его, акцентируя разные детали: «Зигфрид больше не был особенной фигурой для меня, которой я сочувствовал, и я не знаю почему мое бессознательное было поглощено им. Зигфрид Вагнера преувеличенно экстравертен и временами действительно нелеп. Мне он никогда не нравился. Тем не менее, сон показал, что он мой герой. Я не мог понять сильную эмоцию которая у меня была во сне. Пересказав сон, Юнг добавляет: «Я чувствовал огромную жалость к Зигфриду, как будто в меня самого выстрелили. Я, должно быть, имел героя которого не ценил, и это был мой идеал силы и эффективности, который я убил. Я убил свой интеллект, в чем мне помогла персонификация коллективного бессознательного, маленький коричневый человек во мне. Другими словами, я сверг мою лучшую функцию. Дождь был символом отпущения напряжения; силы бессознательного были отпущены. Когда это случилось, это вызвало чувство облегчения. Вина была искуплена потому что, как только главная функция низложена, есть шанс для других сторон личности быть рожденными к жизни» [3, с. 56–57].

Возвращаясь к юнгианским интерпретациям Виндера МакКоннелла, высказанным им в ряде работ на английском [11; 13] и немецком языках [14] и в монографии под лаконичным названием «Песнь о Нибелунгах» [12], в первую очередь, отметим, что ключевыми концептами теории личности Юнга, которые автор использует для своего анализа, являются «репрессия» («подавление») – явление, когда от тревожащей реальности («...человек отторгается слепотой, полуправдой, иллюзиями, рационализациями, снами» [8, с. 43], «анимус» – бессознательная мужская сторона личности женщины, «тень» – бессознательная противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в сознании, и «самость» – воплощение цельности и гармонии, регулирующий центр личности.

Репрессии, с точки зрения МакКоннелла, предаются *все* персонажи поэмы, за единственным исключением – антигерой Хаген Тронье не обманывает сам себя ни при каких обстоятельствах. Остальные персонажи систематически, буквально на каждом повороте, уклоняются от неприятной правды о себе самих и окружающей действительности, что в конечном итоге приводит к трагической развязке. Так, Зигфрид обманывает себя, что окружающие любят его и у него много друзей, тогда как на самом деле, за исключением влюбленной в него супруги, остальные персонажи его едва выносят и убивают при первой же повернувшейся возможности. Даже перед смертью, когда становится очевидно, что те кого он считал своими друзьями, наносят ему предательский смертельный удар, Зигфрид не желает принимать действительность и расстаться со своей «тенью» [13].

Его отец Зигмунд прекрасно осознает, какой опасности подвергает себя его могучий, но наивный сын, не умеющий считаться с окружающими и следовать социальным нормам, когда отправляется в Бургундию. Сперва старый король уговаривает сына воздержаться от сватовства к бургундской принцессе, поскольку ее братья и их главный вассал Хаген из Тронье могут причинить ему вред (что в конечном итоге и происходит), но когда Зигфрид отмахивается от его предостережений, король не смеет противоречить и даже обещает свою помощь – и тут же снова не может сдержать страхов:

*Und wiltu niht erwinden, ' sprach der künic dô,
sô bin ich dines willen wærlîchen vrô
und wil dirß helfen enden, so ich aller beste kan:
doch hât der künic Gunther vil manegen höhverten man.
Ob eß anders nieman wære wan Hagene der degen,
der kan mit übermüete wol höhverte pflegen,
daß ich des sêre vürhte, eß müge uns werden leit,
ob wir werben wellen die vil hêrlîchen meit' [10, 14, с. 54–55].*

*Ну, раз ты так настойчив, – король в ответ ему,
Не стану я перечить желанью твоему
И облегу чем в силах тебе твои труды.*

*Но помни: люди Гунтера спесивы и горды.
А смелый Хаген стоит всех прочих, взятых вместе.
Ревниво он печется о королевской чести.
Гляди, мой сын, чтоб ссоры у вас не вышло с ним,
Коль мы к такой красавице посвататься решим [1, 11, с. 54–55].*

В итоге король Зигмунд предпочитает не вмешиваться в происходящее, подавляя в себе осознание очевидной опасности. Ему остается лишь стать пассивным свидетелем убийства собственного сына, и так и не предприняв никаких решительных действий, покинуть сцену [11].

Еще больше склонны к репрессии бургундские братья-короли. Убив супруга своей сестры Кримхильды и похитив ее сокровище, они обманывают себя, что примирились с ней, что гармония в Вормсе восстановлена, и упрямо игнорируя предостережения и советы Хагена, отправляются в Венгрию, прямо в расставленную им ловушку. Не желая признавать ненависть к себе Кримхильды, они прячутся от осознания собственной вины и ответственности. В точности так же они отмахиваются от рассказа Хагена о пророчестве русалок. Услышав, что им всем суждена смерть во дворце Эпцеля, бургундские короли тотчас же об этом «забывают» и продолжают действовать так, будто ничего не произошло и произойти не может [12].

По той же причине гунский король Эпцель ухитряется не увидеть того, что известно даже его вассалам (как это явствует из сцены, в которой Дитрих Бернский предостерегает гостей о ее намерениях), а именно что жена его каждую ночь оплакивает первого мужа и лелеет планы мести:

*Что вам еще поведать? – сказал правитель Берна, –
Одно лишь о Кримхильде я знаю достоверно:
С зарей встает и молит она в слезах творца,
Чтоб он воздал за Зигфрида, могучего бойца [1, с. 280].*

Наконец, сама Кримхильда, главная героиня поэмы, вытесняет из памяти вещей сон о соколе, затем отказывается признавать катастрофические последствия своей ссоры с Брунгильдой – ссоры, которая подрыгает самые основы бургундской политической системы, компрометируя супружескую верность королевы и тем самым легитимность престолонаследия. В разговоре с Хагеном Кримхильда упоминает об этой ужасной ссоре как о чем-то, что она уже искупила, получив трепку от мужа, и что можно забыть. Еще более поразительна репрессия в эпизоде, когда, уже выдав Хагену тайну уязвимого места на спине мужа, Кримхильда узнает о планируемой охоте. Сразу почувствовав беду, она уговаривает мужа не ездить на охоту – но когда он игнорирует ее слезные просьбы, Кримхильда так и не решается сказать ему правду: что его тайна раскрыта, что его неуязвимость сменяется беззащитностью против удара со спины. Вместо этого она настолько подавляет в себе осознание опасности, что произошедшее между ней и Хагеном принимает в ее изложении такие туманные формы:

*Jā vürhie ich harte sêre etelichen rât,
ob man der deheinen missedienet hât,
die uns gevüegen kunnen vientlichen haß.
belibet, lieber hêrre, mit triuwen râte ich iu daß [10, 126, с. 865].*

*Рыдаю я от страха – мне кажется, что здесь
Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть.
Он нам из мести может наделать много бед.
Останься и не уезжай – вот мой тебе совет [1, с. 134].*

Реальный убийца Хаген превращается у нее в «какого-то тайного недруга», который из невнятной «мести» может «наделать много бед» (а не то чтобы нанести удар в спину, в то место, на котором она сама только что вышла крестик). Желание уклониться от сопряженного с осознанием реальности чувством вины и необходимости нести ответственность запускает и в этом эпизоде механизмы репрессии, повлекшей за собой необратимые последствия [13, с. 181].

В своих работах МакКоннелл делает особый акцент на анализе образа Кримхильды. С его точки зрения, этот образ – яркий пример юнгианской «одержимости анимусом». Описанная в поэме самоизоляция героини, ее склонность к репрессии и отказ увидеть и признать собственную «тьму», последовавший за смертью Зигфрида сознательный отказ от материнства и своих обязанностей как королевы Нидерландов, отсутствие направляющей роли мужчины в ее жизни приводит, по мнению исследователя, к тому что Кримхильда оказывается полностью под властью «анимуса» и теряет свою «самость».

Список литературы

1. Песнь о Нибелунгах / пер. Ю. Б. Корнеева // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975.
2. Соколова Е. Е. Проективные методы исследования личности. М.: Московский гос. ун-т, 1980.
3. Юнг Карл Густав. Аналитическая психология, прошлое и настоящее. М.: 1995.
4. Юнг Карл Густав. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: Харвест, 2003.
5. Юнг Карл Густав. Красная книга. М.: Книга по требованию, 2015.
6. Юнг Карл Густав. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: 1912.
7. Bertolt Brecht. Siegfried hatte ein rotes Haar // Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Hrsg. von Werner Hecht, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller. Bd. 13. Gedichte 3. Gedichte und Gedichtfragmente 1913–1927. Berlin und Weimario Frankfurt am Main 1993.
8. Goffman Erving. On Face work // Interaction Ritual: Essays on face-to-Face Behaviour. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1967. P. 5–5.
9. Heinze Joachim. The Manuscripts of the Nibelungenlied // A Companion to the Nibelungenlied. N.Y.: Camden House, 1998. P. 105–126.

10. Der Nibelunge Liet. Vollständig mit Benutzung aller Handschriften herausgegeben von Karl Simrock. Stuttgart, 1892.
11. McConnell Winder. The Father as a Failure. Siegmund and Ludwig // *Neophilologus*. 1985. Vol. 69, issue 2. P. 236–245.
12. McConnell Winder. The Nibelungenlied. Boston: Twayne Publishers, 1984.
13. McConnell Winder. The Nibelungenlied: a Psychological Approach // A Companion to the Nibelungenlied. N.Y.: Camden House, 1998. P. 172–205.
14. McConnell Winder. Noch einmal Hagen: Vålant aller Künige // *MLN*. Baltimore, John Hopkins University Press, 1979. Vol. 94, № 3, German Issue. P. 610–612.
15. Mowatt D. G., Sacker H. The Nibelungenlied: an Interpretative Commentary. Toronto: University of Toronto Press, 1967.
16. Reik Theodor. Kriemhilds Traum // *Zentralblatt für Psychoanalyse. Medizinische Monatsschrift für Seelenkunde* 2 (1912). P. 416–417.
17. Rosen David. The Tao of Jung. The Way of Integrity. Arkana: Penguin, 1997. P. 65–66.
18. Stevens Anthony. Private Myths. Dreams and Dreaming. Cambridge: Harvard University Press, 1995.

References

1. Pesn o Nibelungakh. *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn' o nibelungakh*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975.
2. Sokolova E. E. *Proektivnye metody issledovaniya lichnosti*. Moscow, Moscow State University Publ., 1980.
3. Yung Karl Gustav. *Analiticheskaya psikhologiya, proshloe i nastoyashchee*. Moscow, 1995.
4. Yung Karl Gustav. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya*. Moscow, Kharvest Publ., 2003.
5. Yung Karl Gustav. *Krasnaya kniga*. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2015/
6. Yung Karl Gustav. *Libido, ego metamorfozy i simvol*. St. Petersburg, 1912.
7. Bertolt Brecht. Siegfried hatte ein rotes Haar. *Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Hrsg. von Werner Hecht, Jan Knopf, Werner Mittenzwei, Klaus-Detlef Müller*. Bd. 13. Gedichte 3. Gedichte und Gedichtfragmente 1913–1927. Berlin und Weimar. Frankfurt am Main, 1993.
8. Goffman Erving. On Face work. *Interaction Ritual: Essays on face-to-Face Behaviour*. Garden City, N.Y., Doubleday Publ., 1967, pp. 5–45.
9. Heinze Joachim. The Manuscripts of the Nibelungenlied. *A Companion to the Nibelungenlied*. N.Y., Camden House Publ., 1998, pp. 105–126.
10. Der Nibelunge Liet. Vollständig mit Benutzung aller Handschriften herausgegeben von Karl Simrock. Stuttgart, 1892.
11. McConnell Winder. The Father as a Failure. Siegmund and Ludwig. *Neophilologus*, 1985, vol. 69, issue 2, pp. 236–245.
12. McConnell Winder. *The Nibelungenlied*. Boston, Twayne Publ., 1984.
13. McConnell Winder. The Nibelungenlied: a Psychological Approach. A Companion to the Nibelungenlied. N.Y., Camden House Publ., 1998, pp. 172–205.
14. McConnell Winder. Noch einmal Hagen: Vålant aller Künige. *MLN*, Baltimore, John Hopkins University Press Publ., 1979, vol. 94, no. 3, German Issue, pp. 610–612.
15. Mowatt D. G., Sacker H. The Nibelungenlied: an Interpretative Commentary. Toronto, University of Toronto Press Publ., 1967.
16. Reik Theodor. Kriemhilds Traum. *Zentralblatt für Psychoanalyse. Medizinische Monatsschrift für Seelenkunde* 2 (1912), pp. 416–417.
17. Rosen David. *The Tao of Jung. The Way of Integrity*. Arkana, Penguin Publ., 1997, pp. 65–66.
18. Stevens Anthony. *Private Myths. Dreams and Dreaming*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1995.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МОТИВАЦИИ

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, доцент, Астраханский государственный технический университет, Российская Федерация, 414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Ключевую роль в становлении личности играет понимание субъектом того, насколько он способен создавать и контролировать реализацию своих желаний, насколько необходимость может быть управляемой с учетом сформировавшихся условий существования, и за счет каких внутренних особенностей развития человека происходит различение смыслов субъективной и объективной мотивации, которое заключается в том, что человеку недостаточно знаний о своих потребностях, тем самым нарушается возможность обнаружения ассоциативных связей между потребностью, предметами и средствами удовлетворения потребностей. Основная цель предопределила постановку и решение конкретных исследовательских задач: 1) дифференцировать смыслообразующие механизмы внешней и внутренней мотивации; 2) определить источники формирования внутренней и внешней мотивации; 3) обосновать связь между формированием первичных и вторичных потребностей и того, как данный факт отражается и на дифференцировании самой мотивации. Методологическую и теоретическую основу данной статьи составляет субстанционально-деятельностный подход в социально-философской теории, в соответствии с которым мотив связан с ценностным предпочтением в человеческой деятельности, и суть его состоит в характеристике предпочтения чего-то чему-то. Наряду с этим в работе применялись методы сравнительного и структурно-функционального анализа. Ряд отправных положений статьи опираются на